

К. П. Фонъ-Кауфманъ и М. Г. Черняевъ.

I.

Письмо П. М. Фонъ-Кауфмана къ издателю „Русскаго Архива“.

Въ Декабрьской книжкѣ издаваемого вами „Русскаго Архива“ 1909 года я прочелъ статью „О М. Г. Черняевѣ“ за подписью его дочери г-жи Антонины Черняевой. Въ этой статьѣ, рядомъ съ грязненькими инсинуаціями (со словъ, яко-бы, Евгенія Маркова) на Туркестанскую администрацію вообще, по поводу постройки Ташкентскаго собора, г-жа Черняева „для характеристики личности“ покойнаго Туркестанскаго генераль-губернатора К. П. Фонъ-Кауфмана говорить слѣдующее:

„Въ 1875 г. отецъ мой издавалъ „Русскій Мірѣ“ и помѣстилъ тамъ статью, критикующую управление Кауфмана. *Въ отместку за это**) имъ (Кауфманомъ) былъ сдѣланъ на отца моего начетъ въ 5.000 руб., черезъ 10 лѣтъ послѣ покоренія Ташкента. Полиція приступила, было, уже къ описи редакціоннаго имуществва и только благодаря Трепову, это было остановлено. Онъ (Треповъ) предложилъ отцу моему написать официальную бумагу въ Туркестанъ, въ которой онъ (Черняевъ) говорить, что не можетъ помнить за десятилѣтнею давностью о своихъ тогдашнихъ расходахъ и предлагаетъ въ возмѣщеніе ихъ свою пенсію, присовокупляя при этомъ, что ему останется утѣшеніе, что покореніе Ташкента совершено имъ на свои средства. *Это и было принято*, и вычеты производились *вплоть до вступленія на престолъ Императора Александра III, который, узнавъ объ этомъ, сказалъ Рейдецу: „прекратить эту мерзость противъ Черняева“*. Слова эти были лично переданы графомъ отцу моему“.

Исторія о начетѣ на Черняева уже не въ первый разъ даетъ тему для вылазокъ г-жи Черняевой или, какъ она сама заявляетъ (по просьбѣ ея и съ ея словъ), другихъ лицъ противъ покойнаго Константина Петровича съ цѣлью, въ чьихъ-то интересахъ, порочить его свѣтлую память.

Считая излишнимъ и недостойнымъ вступать по поводу этой лжи въ полемику и не имѣвъ въ рукахъ подлинной о начетѣ переписки, семья К. П. до сихъ поръ молчала, предоставляя исторіи произвести оцѣнку государственныхъ заслугъ К. П. не по сплетнямъ и пасквилямъ, а по дѣйствительнымъ

*) Курсивъ мой. П. Ф.-К.

фактамъ и подлиннымъ документамъ и отвести подобающее мѣсто на своихъ страницахъ не только К. П. и Черняеву, но и всѣмъ прочимъ сподвижникамъ незабвеннаго Императора Александра II въ его стремленіи прочно установить наши границы въ Средней Азіи и оградить наши предѣлы отъ посягательствамъ беспокойныхъ сосѣдей.

Поэтому и на послѣднюю выходку г-жи Черняевой я бы не отвѣчалъ, если бы мнѣ не были доставлены документы, которые собственно на басню о Черняевскомъ начетѣ должны поставить точку.

Документы эти въ официальныхъ копіяхъ я вамъ посылаю. Изъ нихъ вы изволите усмотрѣть:

1) Что начетъ на ген. Черняева, въ суммѣ 3931 руб. 9¹/₄ коп. (а не 5000 руб., хотя, конечно, не въ суммѣ дѣло), былъ сдѣланъ *Оренбургскою* Контрольною Палатою, въ вѣдѣніи коей находилась Туркестанская область, когда начальникомъ ея былъ Черняевъ. Тогда эта область входила въ составъ Оренбургскаго генераль-губернаторства и подчинялась Оренбургскому генераль-губернатору ген.-ад. Крыжановскому. Къ Туркестанскому же генераль-губернатору Оренбургская Контрольная Палата никакого отношенія не имѣла и не имѣеть.

2) Что требованіе о пополненіи означеннаго начета обращено было не къ Туркестанскому генераль-губернатору, а къ замѣстителю Черняева, командовавшему войсками Сыръ-Дарьинской (б. Туркестанской) области, г.-лейт. Головачеву, которымъ и передано *непосредственно* 27 Іюня 1875 года за № 5851/751, помимо генераль-губернатора, начальнику штаба Варшавскаго военнаго округа, должно быть по мѣсту жительства или службы въ то время Черняева. На этомъ именно отношеніи ген. Головачева и сдѣлана Черняевымъ та надпись, о которой г-жа Антонина Черняева упоминаетъ какъ объ отзывѣ, данномъ ея отцомъ, будто бы, по совѣту ген.-ад. Трепова.

3) Что если полиція когда либо и описывала за долги имущество М. Г. Черняева, то не вслѣдствіе предписанія Туркестанскаго генераль-губернатора, котораго тотъ не давалъ, а въ силу закона.

4) Что ходатайство о сложеніи съ М. Г. Черняева пресловутаго начета возбуждено было передъ военнымъ министромъ никѣмъ инымъ, какъ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ Фонъ-Кауфманомъ и притомъ 30 Января 1878 года за № 802, т. е. *за три года и одинъ мѣсяць до вступленія на престолъ Государя Императора Александра III, и*

5) Что государственный контролеръ Сольскій (нынѣ графъ) изъявилъ свое согласіе на представленіе К. П. Фонъ-Кауфмана о сложеніи съ М. Г. Черняева начета 20 Іюля 1878 года, т. е. *тоже за два года и семь мѣсяцевъ до воцаренія Императора Александра Александровича.*

По справкѣ, наведенной въ Азіатской части Главнаго Штаба, которую всякому легко провѣрить, изъ подлиннаго *дѣла о начетѣ* оказывается, что Военнымъ Совѣтомъ дѣло это было разрѣшено 28 Іюля 1878 года, а журналъ

Совѣта № 245 о сложеніи начета удостоился Высочайшаго утвержденія 12 Августа 1878 года, т. е. еще *въ царствованіе Императора Александра Николаевича*.

Отсюда ясно, что приписываемыя г-жею Черняевой Императору Александру III слова, Его Величеству произносить ни по вступленіи на престоль, ни разѣе, повода не было; а слѣдовательно и розказни о передачѣ этихъ словъ графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ „лично“ Черняеву—сознательная ложь ея распространителей; что не Кауфманъ распорядился о взысканіи съ Черняева начета, а по просьбѣ Кауфмана начеть былъ прощенъ и что вычеты не могли производиться „вплоть до вступленія на престоль Императора Александра III“, ибо начеть былъ сложенъ 12 Августа 1878 года, а г-жѣ Черняевой должно быть извѣстно, что Императоръ Александръ III на престоль вступилъ 1 Марта 1881 года.

Въ заключеніе, считаю нелишнимъ добавить, что, по свидѣтельству современниковъ К. П. (сослуживцевъ его по Туркестану), рѣзкій отзывъ о контрольной перепискѣ по взысканію съ Черняева, черезъ 10 лѣтъ по оставленіи имъ края, 3931 руб. 9¼ коп., въ которыхъ онъ своевременно не отсчитался передъ Оренбургской Контрольной Палатой, былъ данъ, въ 1878 году, на докладъ канцеляріи Туркестанскаго генераль-губернатора объ этой перепискѣ, *К. П. Фонъ-Кауфманомъ* почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какія приписаны г-жею Черняевой Императору Александру III*). Согласитесь, что для характеристики личности Кауфмана и личностей авторовъ извѣстныхъ вамъ статей—это не тоже самое. Если, затѣмъ, К. П. въ глазахъ Черняевыхъ и былъ „представителемъ ограниченности“, то во всякомъ случаѣ *не Нѣмецкой, а чисто-Русской*, такъ какъ, кромѣ фамиліи, у К. П. Нѣмецкаго были только предки, а онъ внукъ *Русскаго* полковника, соратника Румянцева и Потемкина, сынъ православнаго *Русскаго* генерала, ветерана Отечественной войны, имя котораго увѣковѣчено на стѣнахъ храма Христа-Спасителя, и самъ, православный, считалъ себя и дѣйствительно былъ такимъ *цѣльнымъ Русскимъ человекомъ*, какихъ дай намъ Богъ побольше въ наше время.

На остальной вздоръ, составляющій содержаніе статей г-жи Черняевой, я не отвѣчаю.

Надѣюсь, Петръ Ивановичъ, что вы, въ интересахъ правды, настоящему письму моему дадите мѣсто въ „Русскомъ Архивѣ“, какъ вы его дали статьямъ г-жи Черняевой.

25 Января 1910 г.

С.П.В. Новоисаакіевская, 22.

П. Фонъ-Кауфманъ.

Съ сего въ конторѣ С.-Петербургскаго нотариуса А. И. Старицкаго засвидѣльствована копія 1910 г. Января 26 дня за № 519 и выдана г. Фонъ-Кауфману.

*) См. „Ташкентскій Курьеръ“ 10 Февраля 1908 г. № 10. Резолюція К. П. Фонъ-Кауфмана: „Желаю, чтобъ эта мерзость противъ Черняева была прекращена“.

II.

Переписка по дѣлу о сложеніи недочета съ генерала Черняева.

По взысканію съ Генераль-Маіора Черняева 3931 р. 9¹/₄ коп.

Туркестанскій Военный Округъ. Штабъ Войскъ Сыръ-Дарьинской Области. Отдѣленіе Хоз. 27 Іюня 1875 года № 5851 (751) г. Ташкентъ.

Начальнику штаба войскъ Варшавскаго военнаго округа.

Оренбургская Контрольная Палата, ревизуя отчетность въ деньгахъ бывше отпущенныхъ въ 1864 и 1865 г.г. на экспедиціонныя надобности для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточную сумму къ 1866 году числится долга за г.-м. Черняевымъ 3931 р. ¹/₄ коп., почему оная Палата просить распоряженія моего о пополненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ штаба войскъ бывшей Туркестанской области оказывается, что по долговой вѣдомости штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось долга за г.-м. Черняевымъ 7163 р. ³/₄ коп. На пополненіе этого долга поступило:

1. Согласно предписанія военнаго губернатора области, отъ 29 Декабря 1866 г. за № 7874, причитавшихся г.-м. Черняеву въ квартирное довольствіе, съ 1-го Апрѣля 1865 г. по 1-е Января 1866 г., 642 р. 84³/₄ коп.

2. По предписанію егоже, отъ 22 Января 1867 г. за № 816, причитавшіеся г.-м. Черняеву натуральные и денежные раціоны за Іюль мѣсяца 1865 года 131 р. 47 коп.

3. По предписанію егоже отъ 22 Февраля за № 1904, слѣдовавшіе съ 1-го Января по 1-е Мая 1864 г. на отопленіе и освѣщеніе 120 р.

4. Зачтенныя ликвидаціонною комиссіею полковника Быкова, а.) деньги тогоже наименованія, какъ въ 3-мъ пунктѣ, слѣдовавшія за Сентябрь мѣсяца 1865 г. 13 р. 47¹/₂ к. б.) содержаніе за Сентябрьскую треть 1865 г. 1161 р. 80 к., в.) по требовательной вѣломости подъ литерой Г, чинамъ Военно-народнаго Управленія, за 1866 г. 666 р. 66¹/₄ к. г.) По требовательной вѣдомости штаба за № 1870 отъ 1865 года 495 р. 66 к.

Всего поступило въ разное время на пополненіе долга 3231 р. 91 ¹/₂ к., за тѣмъ остается не уплаченнымъ 3931 р. 9¹/₄ к.

Сообщая объ этомъ вашему сіятельству, я имѣю честь просить предложить г.-м. Черняеву указать: не поступали-ли отъ него, а если поступали, то когда и куда именно, деньги на пополненіе сказаннаго долга, а въ противномъ случаѣ просить его о пополненіи долга 3931 р. 9¹/₄ к. При этомъ присовокупляю, что деньги на пополненіе долга должны быть сданы въ доходъ Главнаго Интендантскаго Управленія смѣты § 7 ст. 3. О послѣдующемъ имѣю честь просить ваше сіятельство сообщить мнѣ, съ приложеніемъ квитанцій въ сдачѣ денегъ, если таковыя по ходу дѣла окажется необходимымъ сдать.

Подписаль: Командующій войсками г.-л. Головачевъ. Скрѣпилъ: Начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ №

На запросъ командующаго Туркестанскими войсками, не поступало-ли отъ меня на покрытіе насчитаннаго на мнѣ долга въ 3931 р. 9¹/₄ к. какихъ либо суммъ, имѣю честь отвѣтить, что 8-го Апрѣля настоящаго года истекаетъ ровно десять лѣтъ со дня оставленія мною Туркестана, и потому я ничего не могу припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого долга, такъ и относительно его погашенія. Я помню хорошо только одно, что мнѣ не съ чѣмъ было выѣхать изъ покореннаго мною края и что теперь, кромѣ выслуженной за 35 лѣтъ пенсіи, у меня ничего не имѣется. Эту-то пенсію я и могу предложить на погашеніе насчитаннаго на мнѣ долга, и затѣмъ сохранить себѣ въ утѣшеніе неоспоримое право считать, что покореніе къ подножію Русскаго престола обширнаго и богатаго края сдѣлано мною не только дешево, но отчасти и на собственный счетъ. Не могу не указать при этомъ, что всѣмъ въ краѣ извѣстно, а слѣдовательно и его начальству, какъ размѣръ моего содержанія въ то время (5) т. р., такъ и мой образъ жизни. То и другое свидѣтельствуютъ, что деньги, которыя по истеченіи 10 лѣтъ съ меня готовы теперь взыскивать, истрачены не на мои личные потребности. Сохраняемая до сихъ поръ, гдѣ я жилъ, землянка, вблизи воздвигнутаго послѣ для генераль-губернатора дворца, служитъ нагляднымъ тому доказательствомъ. Въ заключеніе не могу не сказать также, что и для формальнаго отношенія къ дѣлу есть извѣстныя границы, переходить которыя безнравственно. Подписаль: Отставной г.-м. Черняевъ. 21 Января 1876 года. С. Петербургъ.

Туркестанскій Военный Округъ. Окружный штабъ. Отдѣленіе Хозяйственное. 30 Января 1878 г. № 802. Г. Ташкентъ.

Р А П О Р Т Ъ.

Оренбургская Контрольная Палата, ревизуя отчетность въ деньгахъ, отпущенныхъ въ 1864 и 1865 г., на экспедиціонныя надобности, для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточной суммѣ къ 1866 г. числится въ долгу за г.-м. Черняевымъ 3931 р. 9¹/₄ коп. и потому просить распоряженія о пополненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ штаба войскъ бывшей Туркестанской области, оказывается, что по долговой вѣдомости штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось долга за г.-м. Черняевымъ 7163 р. ³/₄ коп., на пополненіе которыхъ поступило въ разное время 3231 руб. 91 ¹/₂ коп. и затѣмъ остается не уплаченныхъ 3931 р. 9¹/₄ коп. Въ виду этого командующій войсками Сыръ-Дарьинской области 27 Іюня 1875 г. за № 5851 просилъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа потребовать отъ г.-м. Черняева указанія, не поступали ли отъ него деньги на пополненіе означеннаго долга и въ утвердительномъ случаѣ съ присовокупленіемъ, когда и куда именно такковыя сданы, а въ противномъ случаѣ предложить ему пополнить означенный долгъ. На означенное требованіе г.-м. Черняевъ, въ надписи при семъ представляемой, отозвался, что, такъ какъ со времени оставленія имъ Туркестан-

скаго края прошло уже десять лѣтъ, то онъ не можетъ ничего припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого долга, такъ и относительно его погашенія.

Представляя при семъ переписку по означенному предмету, я въ виду того, что начеть контроля послѣдовалъ спустя почти десять лѣтъ и по закрытіи ликвидационной комиссіи, приводившей въ ясность финансовыя обороты бывшей Туркестанской области за время г.-м. Черняева, имѣю честь просить вашего ходатайства о сложеніи съ него означеннаго начета. Подписалъ: Командующій войсками г.-а. Фонъ-Кауфманъ.

Государственный контроль. Канцелярія. 20-го Іюля 1878 г. № 814.

Господину военному министру.

Отношеніемъ отъ 2-го Марта сего года за № 65, начальникъ главнаго штаба просить заключенія по ходатайству командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа о сложеніи со счетовъ числящагося за г.-м. Черняевымъ долга въ количествѣ 3931 руб. 9¹/₄ коп., образовавшагося во время степной экспедиціи 1864—1866 г.г. Ходатайство о сложеніи со счетовъ означеннаго долга, какъ видно изъ возвращаемыхъ при семъ приложений, основывается на томъ, что начеть послѣдовалъ спустя десять лѣтъ и при томъ по закрытіи уже ликвидационной комиссіи, приводившей въ ясность финансовыя обороты бывшей Туркестанской области. Вслѣдствіе сего считаю долгомъ увѣдомить ваше высокопревосходительство, что давность, на которую ссылается командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа и которая, какъ видно изъ имѣющихся свѣдѣній, въ данномъ случаѣ не миновала, не можетъ сама по себѣ служить основаніемъ къ сложенію означеннаго начета. Принимая, однако, во вниманіе: услуги, оказанныя г.-м. Черняевымъ при завоеваніи Ташкента, расширеніе плана военныхъ дѣйствій противъ первоначально составленнаго, что вызвало неизбежное превышеніе смѣтныхъ предположеній, и несвоевременную и въ недостаточномъ количествѣ высылку требовавшихся на экспедицію денегъ, отнимавшую возможность какихъ либо благовременныхъ заготовленій, я не встрѣчаю препятствій къ испрошенію черезъ Военный Совѣтъ высочайшаго соизволенія на оставленіе означеннаго начета безъ взысканія.

Подписалъ: Государственный контролеръ статей-секретарь Сольскій.

Съ сего въ конторѣ С.-Петербургскаго нотаріуса А. И. Старикаго засвидѣтельствована конія 9 Января 1910 году за № 521 и выдана г. Фонъ-Кауфману.

О Н. И. ГРОДЕКОВЪ.

М. г. господинъ редакторъ!

Въ Декабрьской книжкѣ „Русскаго Архива“ за прошлый годъ помѣщена выдержка изъ письма г-жи Черняевой, которая, защищая память своего доблестнаго отца, примѣняетъ обычный полемическій приемъ, т. е. чтобы рельефнѣе подчеркнуть значеніе совершеннаго Черняевымъ, умаляетъ заслуги другихъ дѣятелей, потрудившихся при завоеваніи Туркестанскаго края и его устройствѣ.

Прежде всего г-жа Черняева обращаетъ свое личное непріязненное чувство къ одному изъ выдающихся нашихъ государственныхъ дѣятелей Н. И. Гродекову, подавшему и разработавшему идею о памятникѣ К. П. Кауфману въ Ташкентѣ, какъ „покорителю и устройтелю всего Туркестанскаго края“. Благодаря энергіи Н. И. Гродекова, успѣвшаго настойчиво проводить въ жизнь то, что онъ считалъ благомъ, собранъ и значительный (свыше 80 тысячъ) капиталъ на постройку памятника. Г-жа Черняева даетъ оцѣнку дѣятельности Н. И. Гродекова, какъ лица извѣстнаго своею „необыкновенною смѣтливостью и исполнительностью“. Очень жаль, что г-жѣ Черняевой неизвѣстны другія заслуги Гродекова, составившія ему имя одного изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и почетное положеніе въ наукѣ рядомъ трудовъ по исторіи и этнографіи Туркестанскаго края. Имя Гродекова, сподвижника „Благо Генерала“, извѣстно не только въ интеллигентномъ нашемъ обществѣ, но и въ любой хатѣ Русскаго крестьянина.

Прежде всего разсказывается о холерныхъ беспорядкахъ 1882 года. На самомъ дѣлѣ беспорядки эти были въ Ташкентѣ на десять лѣтъ позже, т. е. въ 1892 году, черезъ 9 лѣтъ послѣ ухода М. Г. Черняева съ поста Туркестанскаго генераль-губернатора. Вызваны были эти беспорядки не распоряженіемъ администраціи о засыпкѣ извѣстью труповъ умершихъ отъ холеры, а агитаціей среди туземнаго населенія злонамѣренныхъ людей, направленной противъ всѣхъ распоряженій администраціи по борьбѣ съ серьезной эпидемической болѣзью, унесшей въ то время немало жертвъ и изъ среды Русскаго населенія города. Толпа туземцовъ въ нѣсколько тысячъ человекъ проявила свое враждебное настроеніе противъ администраціи разгромомъ полицейскаго управленія и насиліемъ противъ начальника города Ташкента. Чтобы прекра-

тить безпорядки, не давъ имъ разростись и принять болѣе грозную и опасную форму, Гродековъ вынужденъ былъ примѣнить оружіе, но не противъ „мирныхъ и безоружныхъ жителей“, а противъ мятежной, буйствовавшей толпы. Не было, да и не могло быть, и того, о чемъ пишетъ г-жа А. Черняева, будто бы г. Гродековъ „съ окрикомъ схватилъ за сѣдую бороду одного изъ членовъ депутаціи отъ туземнаго населенія“. Подобная расправа совершенно не въ характерѣ Н. И. Гродекова, всегда ровнаго, спокойнаго и корректнаго до щепетильности.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ упомянуть, что по инициативѣ генерала Гродекова передъ Черняевскимъ домикомъ въ Ташкентѣ воздвигнуть бронзовый памятникъ-бюстъ Михаилу Григорьевичу Черняеву, а въ домикѣ помѣщены въ рамкахъ копіи донесеній генерала Черняева о двухъ штурмахъ Ташкента. Такимъ образомъ Гродекова нельзя обвинять и въ игнорированіи памяти доблестнаго героя, покорителя Ташкента. Однако, какъ ни велики заслуги передъ родиной Черняева, при рѣшеніи вопроса, кому слѣдовало бы воздвигнуть ранѣе памятникъ въ Ташкентѣ (К. П. Фонъ-Кауфману, покорителю и устройтелю Туркестанскаго края, завоевавшему Самаркандскую область, Фергану, побѣдившему ханства Бухару, Хиву и Кульдасинское, давшему гражданское устройство завоеванному краю) или М. Г. Черняеву, взявшему города Аулие-ата, Чимкентъ и Ташкентъ и къ сожалѣнію не успѣвшему приложить свой трудъ, свой опытъ и знанія для приобщенія края къ Русской гражданственности и культурѣ—конечно, во имя исторической справедливости, при такомъ выборѣ Гродековъ остановился на памятникѣ К. П. Фонъ-Кауфману и войскамъ, покорившимъ Среднюю Азію, что отвѣчало вполнѣ желанію Русскаго общества вообще и мѣстному въ частности, такъ какъ открытая въ 1907 году Всероссийская подписка дала блестящіе результаты и къ 1908 году имѣлся капиталъ около 80 тысячъ, вполнѣ обеспечивающій сооруженіе памятника. При этомъ надо замѣтить, что съ художникомъ, которому поручается постановка памятника К. П. Фонъ-Кауфману, заключено условіе, чтобы гипсовая статуя Русскаго солдата, воздвигнутая по исправленному не вполнѣ удачному проекту Микѣшина*) въ городскомъ саду, была замѣнена бронзовой.

Управляющій Канцеляріей Туркестанскаго генераль-губернатора Владимиръ Мустафинъ.

С.-Петербургъ 1910 (II) 10.

*) По проекту Микѣшина солдатъ вставляетъ знамя въ жерло пушки, а въ поставленномъ памятникѣ солдатъ водружаетъ знамя на развалинахъ туземной крѣпости.